

АД
ГРУ.
С
ИНЕ.

циалистов
ликобритании.
оса, которые
ать.

кассету.
, погибшей
зад.
да не стояла

о центра,
ле находят
ий.
видетель».
ичина».

ЕЛЕЙ.
АВДА.

АНИ ЕГАНЯН

АНИ ЕГАНЯН

У КАЖДОГО СВОЯ ПРАВДА

У КАЖДОГО СВОЯ ПРАВДА

НЕКОТОРЫЕ ТАЙНЫ
НЕ УМИРАЮТ ВМЕСТЕ С ТЕМИ,
КТО ИХ ХРАНИЛ

Ани Еганян

У каждого своя правда

«Автор»

2026

Еганян А.

У каждого своя правда / А. Еганян — «Автор», 2026

Вивиан Рид — специалист по восстановлению аудиозаписей для судебных расследований. Она умеет слышать то, что ускользает от других: страх, ложь, недосказанность. Двадцать лет назад при пожаре в загородном реабилитационном центре погибла её младшая сестра Изабель. Вивиан была уверена, что тогда ничего нельзя было изменить. Но однажды ей передают старую кассету. На ней — голос Изабель. И три удара в дверь. Голос, которого не должно существовать, заставляет Вивиан вернуться к самой страшной ночи своей жизни. Чем глубже она погружается в прошлое, тем яснее понимает: трагедия, которую все считали несчастным случаем, была построена на молчании, страхе и чужих решениях. Это роман о вине, памяти, семейных тайнах и той правде, которая способна разрушить всё.

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ани Еганян

У каждого своя правда

Глава

АНИ ЕГАНЯН
У КАЖДОГО

СВОЯ ПРАВДА

Психологический роман

Первая авторская редакция · 34 главы и эпилог

«Никто из нас не помнит прошлое целиком.

Мы помним только ту версию,

с которой сумели дожить до утра».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ

Глава первая. Три удара

За двадцать лет работы с чужими голосами Вивиан Рид научилась отличать испуг от притворства. Дыхание лжеца, вопреки расхожему мнению, не обязательно сбивалось. Плач можно было изобразить. Молчание — смонтировать. Но существовали звуки, которые человек издавал помимо воли: короткий втянутый вдох перед именем, привычный щелчок языком, когда не хватает терпения, едва различимый смешок на конце слова.

Именно этот смешок она услышала в половине одиннадцатого утра, когда вставила в старый магнитофон кассету без этикетки.

До него были шорох, низкий гул и стук посуды. Ничего необычного. Потом девочка сказала:

— Ты обещала, что мы поедem домой в воскресенье.

Другая женщина, находившаяся ближе к микрофону, ответила:

— Если будешь слушаться.

— Я слушаюсь.

И рассмеялась — совсем тихо, как будто поняла, что врёт, и ждала, когда её разоблачат. Вивиан остановила запись.

Она сидела в лаборатории на третьем этаже здания, где раньше размещался страховой архив. В окне была видна мокрая кирпичная стена соседнего дома. По подоконнику, на котором давно умер фикус, стекала вода. На столе стояли чашка остывшего кофе и микроскоп для осмотра магнитной ленты. День был настолько похож на сотни предыдущих, что позже она пыталась вспомнить, не заметила ли в нём предупреждения. Не заметила.

Она перемотала плёнку назад и прослушала короткий смешок ещё раз.

У её младшей сестры Изабель была привычка смеяться, не размыкая губ. Мать считала это некрасивым и постоянно делала замечания. Изабель только крепче сжимала рот, пока смех не превращался в носовое фырканье. Вивиан не слышала его с ноября две тысячи шестого года.

Вивиан положила ладони на колени, чтобы не прикасаться к магнитофону. Ей было сорок два. Она не верила в предзнаменования, не любила совпадения и презирала телевизионные передачи, где родители узнавали голоса мёртвых детей в радиопомехах. Ошибки памяти были её профессией. Она не могла позволить себе такую ошибку.

Кассету прислали утром с курьером. Квадратная картонная коробка была перетянута бечёвкой, как подарок из магазина, решившего притвориться старомодным. Внутри, кроме кассеты, лежала только карточка:

«Прослушайте до конца. Не очищайте первые сорок секунд. Они важнее слов».

Ни подписи, ни обратного адреса. Накладная была оформлена через пункт выдачи посылок в Хаунслоу, отправитель указал инициалы «М. Р.».

Вивиан снова нажала воспроизведение.

— Ну пожалуйста, — попросила девочка. — Я сама соберу вещи.

— Изабель, не начинай.

Голос женщины показался знакомым лишь на секунду. Он был усталым, с резким выдохом перед каждой фразой. За ним щёлкнула дверь, послышались быстрые шаги, затем длинная пауза. На фоне продолжал работать какой-то механизм — ровно, с периодическим металлическим дребезгом.

Вивиан взглянула на цифровой счётчик. Двенадцатая секунда, тринадцатая, четырнадцатая.

— Вивиан? — позвала девочка.

Запись внезапно стала тише, словно магнитофон унесли в другое помещение.

— Вивиан, почему ты не открываешь?

Три удара.

Не громких. Глухих, с короткими паузами. Кто-то стучал по тяжёлой двери не кулаком, а, вероятно, ребром ладони.

— Я же знаю, что ты там.

Далее возник резкий треск. На ленте остался только гул, потом знакомый голос, уже не детский и не женский, приказал:

— Оставьте как есть.

Магнитофон щёлкнул и остановился.

Вивиан долго смотрела на неподвижные катушки. В голове, как на старой киноплёнке, прокручивалась одна и та же картина: жёлтая лента полицейского ограждения, мокрый гравий, мать в больничном одеяле. Она помнила, как стояла у машины скорой помощи без одной туфли. Помнила сладковатый запах мокрой золы. И то, что к двери комнаты Изабель она не подходила.

Не могла подойти.

Когда начался пожар, её уже увезли в больницу.

— Вив?

Она обернулась. В дверях стоял Джулиан Прайс, её коллега и единственный человек в лаборатории, который никогда не пытался утешать её после плохих новостей. В руках он держал бумажный пакет с завтраком.

— Ты здесь? Я три раза стучал.

Вивиан подняла голову слишком резко.

— Что?

— Стучал. Ты обычно кричишь, чтобы я не входил.

Он посмотрел на магнитофон и сразу перестал улыбаться.

— Что случилось?

— Ничего. Просто запись.

— Из полиции?

— Нет.

— Тогда почему ты белая как стена?

Она хотела ответить, но услышала собственный голос — слишком спокойный, тщательно выверенный:

— Потому что я только что услышала человека, которого похоронила двадцать лет назад. Джулиан поставил пакет на край стола. В нём что-то хрустнуло.

— Кто это?

— Моя сестра.

Он ничего не сказал. Вивиан была ему благодарна за это ровно до той минуты, когда он спросил:

— Ты уверена, что у тебя сохранилась достаточно точная память о её голосе?

Вопрос был правильным. От него хотелось ударить человека.

— Нет, — ответила она. — И поэтому ты сейчас прослушаешь плёнку, не зная ничего больше.

Джулиан надел наушники. Вивиан наблюдала за его лицом, пока лента шла от начала до конца. Когда он снял наушники, первое, что он сказал, было:

— Ты заметила, что это не одна запись?

— Почему?

Он показал на монитор осциллографа.

— Перед фразой «Оставьте как есть» меняется шумовая полка. Там склейка. Возможно, кассету перезаписывали, возможно, вставили фрагмент при копировании. Не знаю. Но кто-то хотел, чтобы последняя фраза прозвучала после детского голоса.

Вивиан медленно повернула к себе коробку. На дне под промокшей от конденсата бумагой обнаружился белый след от маленькой наклейки, которую кто-то недавно оторвал.

— И ещё, — произнёс Джулиан. — В сорока первых секундах есть регулярный звуковой сигнал. Не очистишь — услышишь. Возможно, система пожарного оповещения. Возможно, аппарат искусственной вентиляции. Нам нужен спектр.

— Зачем отправителю нужно, чтобы я услышала это?

— Не знаю.

— Он указал: первые сорок секунд важнее слов.

Джулиан отошёл к окну. За стеклом рабочий соседнего офиса курил под козырьком, пряча сигарету от дождя.

— Вив, ты сказала, что сестра умерла в пожаре. Где это было?

— В Эшкомб-хаусе. Центр реабилитации под Доркингем.

Он повернулся.

— Тогда сначала убедись, что посылку прислал человек, имевший доступ к делу. И не трогай оригинал без фиксации состояния. Идём по процедуре.

— Это не наше дело.

— Именно поэтому.

Вивиан посмотрела на кассету. Пластмассовый корпус пожелтел, винты потемнели, на прозрачном окошке виднелась полоска пыли. Всё в ней было обыкновенным, кроме одного: она заставила прошлое заговорить настоящим временем.

Телефон на её столе завибрировал. Высветилось имя матери.

Маргарет Рид не звонила по средам. По средам она играла в бридж и никогда не отвечала на сообщения раньше четырёх.

Вивиан взяла трубку.

— Мама?

Вместо приветствия она услышала:

— Тебе что-нибудь присылали сегодня?

— Почему ты спрашиваешь?

Тишина продлилась так долго, что Вивиан проверила связь.

— Мама?

— Если прислали, — сказала Маргарет, — не слушай.

— Поздно.

За стеной кто-то весело рассмеялся. Маргарет выдохнула, словно несла тяжесть и наконец поставила её на пол.

— Тогда я должна тебе кое-что сказать. Но не по телефону.

— Что именно?

— Обещай, что не поедешь в Эшкомб одна.

Связь оборвалась.

Вивиан несколько секунд держала телефон у уха. Затем открыла справочник судебных дел на компьютере, ввела два слова — «Ashcombe House» — и впервые за двадцать лет нажала «Поиск».

Глава вторая. Дом, которого больше нет

В официальном отчёте пожар занимал тридцать семь страниц. В памяти Вивиан — одиннадцать минут и всю оставшуюся жизнь.

Она знала, что человеческая память устроена не как архив. Воспоминания каждый раз собираются заново, заново дописывают пропущенные участки, подчиняются рассказам родственников и снимкам из газет. Поэтому Вивиан не доверяла собственным образам той ночи. Но к документам у неё были вопросы ещё до появления кассеты.

Эшкомб-хаус был старым загородным домом с пристроенным в семидесятых годах лечебным крылом. Некогда он принадлежал семье банкира, затем стал санаторием, а к началу нового века превратился в частный центр психологической реабилитации подростков. В рекламных буклетах значились «восстановление доверия» и «возвращение к нормальной жизни». На фотографиях дети рисовали в саду и кормили пони.

Изабель попала туда после нескольких месяцев, в течение которых почти перестала разговаривать с матерью. Ей было четырнадцать. После смерти отца она начинала ссориться, ухаживала ночевать к знакомым, однажды разбила зеркала в прихожей. Маргарет говорила, что дочь нуждается в помощи. Вивиан не спорила. Она училась в магистратуре и подрабатывала в лондонской звукозаписывающей студии; домой приезжала всё реже.

Последняя их настоящая ссора случилась за пять дней до пожара. Изабель позвонила и попросила забрать её из центра. Вивиан ответила, что приедет в воскресенье, как договорились с врачом.

— Ты никогда не приезжаешь, когда мне надо, — сказала сестра.

— Я же не могу бросить всё посреди недели.

— А если я умру в четверг?

Вивиан рассердилась на театральность этой фразы и повесила трубку. За двадцать лет она никому не рассказала о ней полностью. Даже терапевту.

В ту ночь Вивиан действительно была в Эшкомбе. Она приехала поздно вечером в четверг, вопреки графику посещений, потому что после разговора с сестрой не смогла уснуть две ночи подряд. Её встретила дежурная администратор и отказалась пускать в спальное крыло. Между ними произошла ссора. Вивиан ушла на парковку. Спустя несколько минут у неё начался приступ удушья — аллергическая реакция на лекарство, которое она принимала от простуды. Скорая увезла её до того, как раздался первый пожарный сигнал.

Согласно отчёту, возгорание заметили в 23:48. В 23:55 пожарные уже были на подъезде. В 00:11 очаг удалось локализовать. Погибли трое: Изабель Рид, санитарка Нора Блейк и пятнадцатилетний пациент Саймон Кент. Причиной признали неисправный зарядный блок, остав-

ленный в подсобке второго этажа. Системы эвакуации, отмечалось в заключении, работали с задержками из-за особенностей старой проводки.

Вивиан открыла на экране схему здания. Она помнила, как рассматривала её на следствии. Тогда всё казалось огромным лабиринтом. Теперь перед ней были аккуратно начерченные коридоры, лестницы и пожарные выходы.

В конце восточного крыла, рядом с комнатой Изабель, стояла отметка «служебная дверь». Дверь вела в узкий коридор, который обрывался глухой стеной.

Это было странно: в старом здании редко проектируют коридор, заканчивающийся ничем. Но не невероятно — перепланировки иногда оставляют за собой такие нелепости.

Вивиан приблизила схему. Отсканированный лист содержал тонкий прямоугольник, почти слившийся со стеной. На нём не было подписи.

— Джулиан, — позвала она.

Он пришёл с двумя кружками кофе, одну из которых поставил без спроса.

— Что такое?

— Как понять, что стена в плане перестраивалась?

— По планам разных лет, — сказал он. — Стены, к сожалению, не дают интервью.

Он взглянул на экран.

— Видишь этот прямоугольник?

— Вижу.

— Там может быть дверь.

— Или шахта. Или старый лифт. Тебе нужен архив местного управления строительного контроля.

— Я уже написала.

— Разумеется, — ответил он.

Он ушёл, не задав ни одного вопроса о том, почему она изучает схемы здания, в котором умерла сестра. Вивиан пообещала себе когда-нибудь поблагодарить его за деликатность, но, скорее всего, не сделала бы этого.

В полдень позвонил незнакомый мужчина. Он представился сержантом Эдрианом Фоксом из полиции Суррея и попросил подтвердить, получила ли она посылку.

— Кто сообщил вам о ней? — спросила Вивиан.

— Это я хотел бы выяснить. Мы нашли ваше имя в бумагах мистера Генри Кроу.

Генри Кроу. Бывший руководитель Эшкомб-хауса. Тот самый человек, который на похонах Изабель сказал Маргарет, что «в такой ужасной случайности нельзя никого винить». Вивиан помнила его крепкое рукопожатие и мягкий, почти пасторский голос.

— Я не разговаривала с ним много лет.

— Он умер вчера утром.

Вивиан молчала.

— Пока мы не рассматриваем смерть как подозрительную, — продолжал Фокс. — Врач оформил предварительное свидетельство, но родственники обнаружили папку, которую мистер Кроу подготовил незадолго до смерти. Он указал, кому передать несколько предметов. Один из адресатов — вы.

— Там есть магнитофонная кассета?

— Возможно, — осторожно сказал сержант. — Можно ли попросить вас не уничтожать упаковку? И пока не передавать запись третьим лицам?

Вивиан оглянулась на Джулиана за стеклянной перегородкой.

— Уже поздно насчёт третьих лиц.

— Кто её слышал?

— Мой коллега. Это техническая консультация.

— Тогда, пожалуйста, запишите, кто имел доступ. Нам понадобится заявление об обстоятельствах получения посылки.

Тон Фокса был безупречно вежливым, но в нём не было интереса. Вивиан знала этот тон: так говорят люди, у которых на столе десять более срочных дел.

— Скажите, сержант, вы когда-нибудь читали дело о пожаре в Эшкомб-хаусе?

— Только краткую справку.

— В отчёте указано, что эвакуация восточного крыла была невозможна из-за распространения дыма.

— Да.

— Но комната моей сестры находилась в трёх метрах от служебного коридора. Если он имел второй выход...

— Мисс Рид, — перебил Фокс, — я понимаю, насколько это для вас болезненно. Но не хочу делать выводы по двадцатилетней схеме. Если появятся основания, материалы будут рассмотрены соответствующим подразделением.

Она поблагодарила его и положила трубку.

После разговора она заметила новое письмо. Ответ из муниципального архива пришёл удивительно быстро. Вложением значилась копия плана здания за 1987 год.

На нём служебный коридор не обрывался стеной.

Он соединял восточное крыло с наружной лестницей.

Вивиан распечатала обе схемы и положила рядом. На новой наружная лестница отсутствовала, а на её месте значилось техническое помещение. Ни примечаний, ни указаний на демонтаж.

Ей хотелось немедленно позвонить сержанту, но привычка к осторожности взяла верх. Чертежи разных эпох ещё ничего не доказывали. Лестницу могли убрать законно задолго до пожара. И всё же там, где официальная схема заканчивалась тупиком, когда-то существовал путь наружу.

Она услышала звук входящего сообщения. Мать написала всего четыре слова:

«Ты должна приехать сегодня».

Вивиан закрыла ноутбук.

В метро она стояла у дверей, наблюдая, как её отражение возникает и исчезает в тёмном окне. Сестра погибла в четырнадцать. Вивиан прожила ещё двадцать лет: получила квалификацию, развелась, похоронила собаку, купила квартиру, научилась готовить ризотто. Иногда она боялась, что каждая прожитая ею радость была мелкой изменой человеку, который навсегда остался четырнадцатилетним.

На станции Кенсингтон она вдруг поняла, что не помнит, какого цвета были глаза у Изабель.

В детстве — карие, как у отца. Или серые, как у матери? На фотографиях это зависело от освещения. Вивиан села на ближайшую скамью и впервые за много лет заплакала не от чувства вины, а от того, что человеческую память нельзя заставить сохранить самое главное.

К дому матери она приехала перед шестью. Все окна были освещены, хотя на улице ещё не стемнело.

Маргарет открыла дверь, не дожидаясь звонка. На ней было то самое тёмно-синее платье, которое она надевала на годовщины смерти Изабель.

— Почему ты так оделась? — спросила Вивиан.

Мать не ответила.

На столе в гостиной лежала прозрачная папка, а поверх неё — сложенный вдвое лист. Вивиан узнала бумагу: старый официальный бланк с гербом центра.

— Что это?

— Письмо, которое я должна была отдать тебе ещё тогда.

— От кого?

— От Изабель.

На конверте сестриным неровным почерком было написано: «Вив. Только когда будешь готова услышать правду».

Вивиан протянула руку.

Маргарет положила на конверт ладонь.

— Прежде чем откроешь, я хочу, чтобы ты поняла: я не пыталась защитить себя.

— От чего?

Мать посмотрела на неё впервые за весь вечер.

— От тебя.

Глава третья. Письмо, которое не отправили

Когда Вивиан была маленькой, мать запрещала открывать письма за обеденным столом. «Чужие новости не должны портить вкус еды», — говорила она. Вивиан не понимала этого правила, пока не увидела конверт с именем сестры в гостиной, пахнувшей запечённой курицей и полиролью для мебели.

— Отдай, — сказала она.

Маргарет медленно убрала руку.

Конверт оказался не запечатан. По линии сгиба бумага потерлась до белизны, будто его раскрывали много раз. Внутри лежал один листок из школьной тетради.

«Вив, я знаю, что ты злишься. Я сказала ужасные вещи, когда звонила. Это было специально, чтобы ты приехала. Здесь ничего не происходит, и от этого хуже. Не верь, если тебе скажут, что я не хочу домой. Я хочу. Я ничего не сделаю с собой, обещаю. Только забери меня. Я слышала, как доктор говорил, что мне надо остаться до конца месяца. Но я больше не могу. Твоя Изи».

Ни даты, ни упоминания пожара. Простое письмо испуганной девочки, которая хотела домой.

Вивиан перечитала строчку «Я ничего не сделаю с собой» трижды. Сестра знала, что её тревожные слова могли принять за угрозу. И заранее пыталась убедить старшую, что это не так.

— Ты получила его до пожара? — спросила Вивиан.

— В тот же день. Перед вечером.

— А мне не передала.

— Я боялась, что ты приедешь и устроишь скандал.

— Я и так приехала.

— Но тогда мы не знали, что ты приедешь, — сказала Маргарет.

Вивиан отложила письмо. Мать наливала воду в стакан маленькими порциями, останавливаясь после каждого движения руки.

— Почему ты говоришь «мы»?

— Я и Генри Кроу.

В комнате будто изменилось давление. Вивиан вдруг вспомнила, как в детстве ныряла слишком глубоко в бассейне и вода давила на уши, а поверхность была уже так близко, что становилось страшно не доплыть.

— Ты говорила с ним в день пожара?

Маргарет кивнула.

— Я попросила, чтобы Изабель оставили ещё на неделю. Врач считал, что её состояние нестабильно. Мне казалось, что дома я не справлюсь. Я была одна после смерти вашего отца. Мне приходилось работать, оплачивать счета, жить дальше. Я боялась собственной дочери. Ты понимаешь, как стыдно это сказать?

— Не так стыдно, как спрятать её письмо.

— Да.

Маргарет произнесла это без попытки оправдаться. Вивиан хотела, чтобы мать спорила. Тогда можно было бы обрушить на неё всё, что копилось двадцать лет. Но та только сидела в кресле, старая женщина с тонкими запястьями, и соглашалась.

— Что ты хотела сказать по телефону? — спросила Вивиан.

— Генри приезжал ко мне месяц назад. Принёс коробку документов, будто хотел избавиться от неё, пока не умер.

— Он болел?

— Сердце. Несколько операций. Врачи не обещали ему долгую жизнь. Он сказал, что в отчёте есть ошибка и что теперь обязан её исправить.

— Какая ошибка?

— Я не знаю. Он хотел встретиться с тобой. Я попросила его этого не делать.

— Почему?

Маргарет провела пальцами по подлокотнику.

— Потому что после того пожара ты не жила, Вивиан. Ты только искала, кто виноват. Сначала врачей. Потом меня. Потом себя. Я думала, если это снова начнётся, ты не выдержишь.

— Значит, ты решила за меня.

— Да.

Слово прозвучало так просто, что Вивиан впервые заметила, насколько мать устала. Ей вдруг стало ясно: Маргарет двадцать лет называла молчание заботой, потому что иного названия не могла вынести.

— Где документы?

— Я вернула ему. Он обещал ничего не предпринимать до того, как мы поговорим вместе.

— Но теперь он мёртв.

— Да.

Вивиан встала и подошла к камину. На полке стояла фотография с семейного пикника — отец держал пластиковый стакан, мать шурилась от солнца, Изабель высунула язык. Вивиан на снимке отсутствовала: она и фотографировала.

Всю жизнь ей казалось, что это символично. Она всегда стояла за кадром, наблюдала, записывала, старалась сохранить то, что не могла удержать. Но сегодня впервые подумала: фотограф не обязательно наблюдатель. Иногда он просто человек, которого потом нельзя доказать на снимке.

— Ещё что-нибудь? — спросила она.

Маргарет долго молчала.

— Генри говорил о двери.

Вивиан резко обернулась.

— Какой?

— Он назвал её «неправильной дверью». Сказал, что та, которую все пытались открыть, была не той.

— Что это значит?

— Не знаю. Он плакал. Я раньше никогда не видела, чтобы он плакал.

Вивиан достала из сумки распечатанную схему.

— Вот. Восточное крыло. На плане восемьдесят седьмого года здесь наружная лестница. В отчёте она исчезает. Это связано?

Маргарет посмотрела на рисунок, не прикоснувшись к нему.

— Я не разбираюсь в чертежах.

— Мама, посмотри.

— Я смотрю.

— Ты знала об этой лестнице?

— Нет.

Это «нет» прозвучало быстро, почти радостно, словно нашёлся вопрос, на который можно ответить честно.

Они просидели ещё полчаса, пока снаружи не зажглись фонари. Вивиан не задала главного вопроса: была ли мать рада, когда дочь уехала в центр? И не потому ли теперь двадцать лет держала втайне её последнее письмо? Наконец она убрала бумагу в сумку.

— Ты можешь отдать мне оригинал?

Маргарет кивнула.

— Я сохранию его как доказательство, — сказала Вивиан.

— А я всё это время хранила как наказание.

На пороге мать вдруг схватила её за рукав.

— Вив. Я не всё сказала.

— Ещё один конверт?

— Нет. Насчёт записи. Генри показал мне её часть. Там, где Изабель зовёт тебя. Я слышала.

— И?

Маргарет закрыла глаза.

— Эта фраза записана не в день пожара.

Вивиан почувствовала, как между лопатками пробежал холод.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я была рядом, когда она это говорила.

— Когда?

— За три недели до пожара. Во время одного из занятий. Изабель должна была говорить с человеком за закрытой дверью. Так их учили просить о помощи.

Вивиан медленно высвободила рукав.

— Значит, это была запись занятия?

— Да. Так мне сказал Генри.

— Ты веришь ему?

Маргарет не ответила.

На улице Вивиан остановилась у машины. Она не села сразу. Дождь почти закончился, и мокрый асфальт отражал красные огни автобуса. Если детский голос был записан заранее, кассета не доказывала, что сестра звала её из огня. Кто-то умышленно использовал старое обращение так, чтобы заставить Вивиан в это поверить.

Но зачем? И почему именно сейчас?

Она достала телефон. На экране было два пропущенных вызова с неизвестного номера и сообщение от Джулиана:

«Проверил фоновый сигнал. Не похоже на пожарную тревогу. Пришло спектр утром. И кое-что ещё: после склейки слышно слово «оставьте». Возможно, оно не относится к разговору вообще».

Вивиан уже печатала ответ, когда пришло новое сообщение. Номер был скрыт системой переадресации. Текст состоял из единственной строки:

«Теперь спросите мать, кто был по другую сторону двери».

Она подняла глаза на окна родительского дома. За занавеской второго этажа стояла Маргарет — неподвижная, с телефоном возле лица.

Вивиан не стала возвращаться. Она села за руль, положила рядом письмо сестры и включила диктофон, чтобы зафиксировать собственные мысли до того, как память начнёт их переписывать.

— Двадцать первое октября, двадцать один час двенадцать минут, — произнесла она. — Запись получена неизвестным отправителем. Мама подтверждает, что фрагмент голоса Изабель мог относиться к терапевтическому занятию, а не к пожару. Необходимо установить, кто владел исходной записью и почему на неё наложили другую фразу. Отдельно проверить планы здания и сообщения Генри Кроу.

Она остановилась. С трудом заставила себя добавить:

— И проверить, почему я так уверена, что не могла находиться у той двери.

Свой голос в динамике она узнала сразу. Голос женщины, которая умеет формулировать вопросы, даже когда боится услышать ответы.

Вивиан выключила запись и впервые за весь вечер позволила себе вспомнить последнюю ночь в Эшкомбе по-настоящему.

Воспоминание начиналось с машины скорой помощи. С красного света на потолке. С холодной руки фельдшера на запястье.

Но теперь, прежде чем возник потолок машины, она увидела другую картину — узкий коридор, жёлтую полосу света под закрытой дверью и собственную ладонь, которую уже подняла, чтобы постучать.

Она не знала, было ли это воспоминанием или воображением.

От этого становилось ещё страшнее.

Глава четвёртая. То, чего нет на плёнке

На следующее утро Вивиан открыла лабораторию раньше уборщицы. Её встретил запах моющего средства, пустые экраны и еле слышная вибрация вентиляции. Она любила этот час: никто ещё не называл догадки фактами.

Джулиан обнаружился у своего стола. Перед ним лежала раскрытая коробка с сэндвичем, но он не ел. На большом мониторе тянулись три зелёные дорожки. Когда Вивиан вошла, он не повернулся.

— Твой сигнал, — сказал он. — Не пожарная тревога. Тридцать два герца с периодическим прерыванием. Старый холодильный компрессор, вентиляционный привод, даже дефект питания. Определить нельзя. А вот со склейкой интереснее.

Он выделил двадцать две секунды. Прозвучал смех Изабель, затем чужое дыхание и тихое «оставьте как есть».

— Слушай границу, — сказал Джулиан.

Вивиан прослушала отрезок ещё дважды. Заметила, что фон в середине фразы меняет объём, словно собеседник вышел из маленькой комнаты в коридор.

— Переписано с двух источников?

— Не меньше чем с двух. Звуки сами по себе старые. Но порядок им кто-то придал позднее. Это не запись последней ночи твоей сестры. Во всяком случае, она этого не доказывает.

Вивиан неожиданно рассердилась. Всю ночь она боялась, что узнает в записи доказательство собственной вины, а теперь злилась на человека, который не оставил ей даже этой определённости.

— Можно узнать, где именно монтировали?

— Теоретически по поколению копирования и следам носителя. Практически — у тебя единственная кассета и очень мало контрольных материалов. Я бы не ставил перед присяжными ничего сильнее фразы «присутствуют признаки составной записи».

Он наконец посмотрел на неё:

— Ты спала?

— Я работаю.

— Это не ответ.

Она достала из сумки письмо Изабель и положила рядом со схемой здания.

— Мать говорит, сестра проходила упражнение: просила о помощи человека за закрытой дверью. Мне нужно узнать, записывали ли в центре занятия, кто давал на это согласие и куда после закрытия исчез архив. И ещё — выяснить, почему на плёнке есть приказ «оставьте как есть».

Джулиан внимательно прочитал письмо, не взяв лист в руки.

— А если всё это просто способ Кроу извиниться?

— Тогда он мог написать: «Простите». Без монтажа.

Около одиннадцати позвонил сержант Фокс. Он предложил встретиться в участке, чтобы оформить показания о посылке. По голосу было ясно, что приглашение он считал формальностью. Вивиан согласилась на полдень и попросила выслать список вещей, обнаруженных у Кроу.

— На ваше имя там есть папка, — сказал Фокс. — Но её содержание пока изучают. И ещё: не ищите самостоятельно тех, кто значился в деле свидетелями. Вчера вечером одной женщине звонили, представляясь сотрудником полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.